

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И.В. КОНДАКОВ

"Смута": эпохи "безвременья" в истории России

Российская цивилизация складывалась в условиях принципиальной "пограничности" между Европой и Азией, между оседлостью и кочевничеством, на перекрестке великих мировых религий Запада и Востока и архаического язычества. И эта "пограничность" чревата либо предельным синтезом несоединимых крайностей ("всеединство"), либо предельной поляризацией целого, т.е. драматическим расколом, непримиримой конфронтацией смысловых полюсов, что придает самому менталитету цивилизации устойчивое качество "смысловой неопределенности". Символическим воплощением такой перманентной "смысловой неопределенности" является знаменитый русский "авось", означающий в конечном счете надежду на стихийное стечение обстоятельств, в результате которого все проблемы разрешатся как бы сами собой, без каких-либо субъективных усилий человека¹. Именно "авось" - аккумулярованное представление о русской протоментальности, лежащей у истоков и в основании всей национальной культурной традиции "русскости" и менталитета русской культуры в целом.

Сродни "авось" и традиционная вера в чудо, в "доброе царя", в "соборную" правоту народа, в неизменность традиций, в благодать природы, вечной и непостижимой, в величие государства, поглощающего собой и подчиняющего себе личность, и апология жертвенной любви, долготерпения. Неслучайно вся древнерусская культура держалась на синкретическом, аморфном смысловом ядре - "культуре-вере" [Панченко, 1984], благодаря чему внерелигиозные формы культуры на Руси длительное время не развивались (наука, философия, светское образование, внеконфессиональное искусство и т.п.), а религиозность принимала формы, далекие от теоретической рефлексии (богословие появилось на Руси лишь в XVI веке). Изначальная дорефлексивность первообразов и представлений древнерусской культуры в каждую переходную эпоху, носившую характер "смуты", как бы обнажалась и заново репрезентировалась в культуре России.

¹ Об этом пишет, например А. Вежицкая, которая подчеркивает, что частица *авось* в русской народной философии и русском самосознании проводит "тему судьбы, неконтролируемости событий, существования в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире" [Вежицкая, 1997, с. 78].

Другая цивилизационная особенность России, вытекающая из ее "пограничности", связана с конструкцией "взаимоупора"² - способа взаимосвязи полярных начал через бинарную систему "сдержек" и "противовесов", реализующую зыбкий баланс противодействующих сил в рамках условного целого. Конструкция "взаимоупора", проникающая во все без исключения смысловые структуры русской культуры, а затем и других культур народов России, смежных с русской, также по самой своей сути несет в себе сильнейший деструктивный заряд - как "смысловой неопределенности", так и потенциальной непредсказуемости. Поддерживая бинарность любых смысловых образований, соединяя противоположности в "невозможное единство" (по формуле "нераздельности и неслиянности"), "взаимоупор" как глубинный регулятивный механизм российской цивилизации постоянно держит ее на грани "срыва", а нередко и "взрыва". В "смутные" эпохи этот механизм, с одной стороны, подготавливающий взрывообразное разрушение культуры, а с другой - удерживающий культуру от окончательного распада, утраты собственной самоидентичности, выступает как структура самосохранения культуры, как ее ментальный защитный механизм.

Связка "культура и взрыв", глубоко осмысленная Ю. Лотманом [Лотман, 1992], свойственна только культурам бинарного типа, в которых каждая интенция "уравновешена" своей противоположностью, без которой не имеет смысла, ибо только в контрасте, в споре, в конфликте выявляет свою семантику (до того остающуюся неопределенной). Однако подобное силовое "равновесие" противоположностей весьма непрочное, а со временем становится просто безнадежным, поскольку создает условия для их взаимной "аннигиляции". Культурный "взрыв", однако, означает не только крушение *status quo* ценностно-смысловой системы и разрушительную по своему характеру смену исторических парадигм, коренным образом меняющую культурную семантику и социальную организацию цивилизации. За ним стоит и представление о возникновении нового в культуре, спровоцированного драматическими, а подчас и трагедийными обстоятельствами "выживания" культуры на грани гибели. Этот деструктивный процесс, сопутствующий смене культурно-исторических парадигм, в русской традиции связан с представлениями о "смуте" и "смутном времени", которые в контексте "большого времени" (М. Бахтин) ассоциируются в такой же мере с "концом" истории, как и с ее "началом", с амбивалентной "смертью-рождением" культуры, повторяющейся в каждый переломный момент.

Подобные представления о культуре и ее переходных состояниях свидетельствуют о социодинамической *напряженности*, поддерживающей ожидания внезапных и резких перемен, готовность к предстоящей ломке образа жизни и жизненного уклада, а также мировоззрения, нередко - предвосхищение катастрофы (например, эсхатологические и апокалиптические видения, бессознательное бунтарство, тяга к стихийности в поведении и мироощущении - "дионисийству", оказывающимся в России нередко "гибельною силою, неистовством только разрушительным" [Иванов, 1994], и т.п.).

Склонность русской культуры и российской цивилизации к "взрывным" ситуациям и состояниям, как подтвердили события последнего десятилетия XX века, - трудно-преодолимая черта, коренящаяся в ментальных глубинах России, а надежды, которые питал Лотман в книге "Культура и взрыв", относительно возможности перевода русской культуры из бинарной системы в систему тернарную (по типу западно-европейской) пока не оправдались. Вместо конструктивного проектирования новых цивилизационных моделей в постсоветский период мы вновь столкнулись с знакомым, время от времени повторяющимся в отечественной истории механизмом

² "Вообще говоря, - пишет С. Аверинцев, - всякая культура живет сбалансированным противоборством противоположностей... Чем выделяется ранневизантийская культура, так это тем, что в ее кругу крайности особенно контрастны, а их приведение к единству особенно парадоксально" [Аверинцев, 1977, с. 239]. Сказанное в еще большей мере относится к наследнице византийской культуры и цивилизации - Руси-России-СССР.

"смуты", воплощающем смысл "переходности" в истории русской, советской и российской культуры [Лотман, 1995].

В каждое "смутное время" агональная фаза одного, завершающегося цикла в развитии русской культуры совпадает с зарождением и подъемом нового. Фазы культурно-исторического развития, связующие конец одной эпохи и начало другой, отмечены печатью культурной переходности, внутренней противоречивости. Бросается в глаза типологическое сходство всех переходных эпох: от Средневековья к Новому времени (XVII век); от классической парадигмы к неклассической (Серебряный век); от советской к постсоветской культурной истории. В известном смысле все эти переходные эпохи представляют собой "смутное время" русской культуры.

Подобные переходные эпохи - это те "узлы" истории культуры, в которых и происходит смена культурно-исторических циклов. В них получает завершение то "старое", что сохранилось на протяжении предшествующего цикла, и складывается то "новое", чему предстоит развиваться в следующем цикле; при этом "старое" и "новое" в переходные периоды подчас неразличимо перепутываются, смешиваются, переходят друг в друга, создавая характерное пространство "смысловой неопределенности", в котором противоположности сосуществуют на равных, так сказать, во "взвешенном состоянии". Важно понять, какие культурно-исторические закономерности господствуют в данные переходные ("смутные") периоды и управляют сменой парадигм в истории культуры.

Кроме того, при сопоставительном анализе этих трех кризисных ситуаций в истории русской культуры и российской цивилизации становится очевидно, что при всем внешнем сходстве ("смысловой неопределенности") "смутных времен" в России, -это три разных переходных процесса: 1) от кумуляции к дивергенции (барочный период русского XVII века); 2) от дивергенции к селекции (Серебряный век в истории отечественной культуры); 3) от селекции к конвергенции (постсоветский период развития России и российской культуры на рубеже XX-XXI веков). Весь вопрос, собственно, и заключается в том, *от чего и к чему* осуществляется культурный и цивилизационный переход. А здесь чисто внешнее сходство не только не проливает света на глубинные содержательные процессы культурно-исторического и цивилизационного развития, но нередко гораздо больше затемняет их.

Средневековая смута: "Раскол"

Постепенно вырываясь из объятий вязкой и аморфной протоментальности (пространства "смысловой неопределенности"), российская цивилизация на первом, весьма длительном этапе своего становления (свыше семи веков) довольствовалась самым простым конфигуратором ценностно-смыслового пространства - *кумуляцией*. Этот конфигуратор минимизирует самоорганизацию цивилизации, еще не до конца расставшейся со своей изначальной семантической размытостью. Выступая как механизм адаптации восточнославянских племен к окружающим их природным и этнокультурным условиям, механизм кумуляции интегрирует в рамках становящейся цивилизации самые противоречивые и гетерогенные компоненты разнородных смежных культур (скифо-сарматские, варяго-скандинавские, византийские, монголо-туранские, польско-литовские, западноевропейские и т.п. веяния и влияния).

Образующееся таким образом интеркультурное единство, естественно находящееся у истоков полиэтнической цивилизации, остается слишком аморфным и неопределенным для того, чтобы быть основанием устойчивого цивилизационного развития. В этом отношении Древняя Русь - на протяжении всех веков своего неподвижного существования - пребывает в доисторическом состоянии, как это свойственно любому архаическому традиционному обществу. Однако последовательное напластование кумулятивных процессов приводит к тому, что возникающее интегративное единство, "слепленное" из разрозненных культурных и цивилиза-

ционных феноменов, обретает такую меру сложности, которая не может быть удержана в рамках смыслового единства таким вялым интегративным механизмом, как кумуляция. Превышение меры сложности цивилизационного целого приводит уже в XVI, а тем более в XVII веке к замедлению интеграционных процессов в России и стимулирует в русской культуре процессы обратной направленности - дезинтеграции и деструкции сверхсложного целого.

В "смутное время" (а именно таковым представлялся XVII век своим современникам) каждый человек начинал ощущать себя блудным сыном всеобщего Отца небесного и пытался проанализировать истоки своих бедствий, неудач, злоключений. В этом сюжете есть и самооправдание человека "смутного времени" (начиная с греховности человеческой природы и кончая такими, в общем, положительными качествами, как любознательность, активность в достижении поставленных целей, общительность, поиск дружеской компании единомышленников, адаптивность личности к динамизму истории); есть и стремление понять детерминизм исторической эпохи, изменившей свой характер и ставшей более бурной, непредсказуемой, зависящей от сочетания многих, автономных друг от друга противоречивых стремлений и воль.

Бытие человека стало восприниматься как равно обусловленное и неуправляемыми общественно-историческими обстоятельностями, и самодеятельностью отдельных индивидов. Жизнь человеческая аллегорически укладывалась в сюжет библейской притчи о Блудном сыне лучше, чем в какой-либо иной. Более того, этот сюжет в своей обобщенно-символической интерпретации воспринимался как иносказание о наступившей эпохе, когда мир в целом "заблудился" в поисках истинного пути, а история уклонилась от исполнения отеческих заветов Творца. В богооставленном мире предоставленный самому себе человек может оступаться, своевольничать, бунтовать против существующего миропорядка, и оправданием его беспутству служит утрата миром образа Божия, *Смута* как облик мироздания в целом.

Первый импульс к динамическому цивилизационному развитию России придал религиозный Раскол, впервые с подлинно историческим масштабом приведший в действие конфигуратор *дивергенции*. Этот продуктивный механизм смыслообразования и структуризации культурной семантики был развернут во всей полноте своих возможностей в рамках Петровской культурной революции, расколовшей сверху донизу российское общество, которое вступило в фазу культурной секуляризации [Панченко, 1991; 1984]. Важнейшая культурно-историческая, социальная и цивилизационная функция этого конфигулятора (второго регулятивного механизма в истории России) заключается в последовательной дифференциации всех социокультурных значений и смыслов; а универсализм проявляется в том, что предмет смысловой поляризации и дифференциации становится любое семантическое образование (подвергаемое "раздвоению единого").

На смену своего рода "беспринципности" кумулятивной модели цивилизации, перманентно занятой универсальной интеграцией любых социокультурных смыслов, оказавшихся в поле ее зрения, приходит альтернативная ей дивергентная модель, радикально дифференцирующая ценностно-смысловую систему на всех ее уровнях. Тем самым "маятник" цивилизационного развития качнулся в прямо противоположную сторону, что многие современники этого процесса переживали как кризис и распад цивилизации. Между тем как российская цивилизация формировалась, складывалась заново именно в процессе интенсивного развития дивергентных процессов, надстраиваясь на фундаменте древнерусской протоцивилизации.

Сменившие друг друга на пороге Нового времени культурно-исторические парадигмы, хотя и были основаны на различных конфигуляторах, тем не менее не исключали их сосуществования. Так, дивергенция складывается уже в смысловом пространстве древнерусской культуры (феномены двоеверия, неслиянность народной культуры Древней Руси и книжной культуры, уходящей корнями в византийскую традицию, сочетание и взаимодействие восточнославянских и тюркских культурных

традиций, альянс древнерусской и монгольской кочевнической цивилизаций в период "ордынского ига", идейная борьба иосифлян и нестяжателей, столкновение вотчинных и самодержавных принципов в правление Ивана Грозного, "взаимоупор" царя и самозванца в Смутное время и накануне его - все это красноречивые примеры становления дивергентных процессов, постепенно надстраивающихся над ведущими в Древней Руси кумулятивными тенденциями). Когда же два конфигуратора встретились лицом к лицу и стали сосуществовать рядом, "на равных", произошла "сшибка" смысловых структур противоположной направленности и наступило Смутное время, пронизанное "смысловой неопределенностью".

Соответственно, в петровское и послепетровское время при нарастании дивергентных процессов (начиная с секуляризации культуры) еще долгое время тянется "шлейф" кумуляции (самодержавие и традиции восточного деспотизма, отголоски идеологии "Москвы - Третьего Рима", культурная консолидация русского дворянства, сохранение традиционной древнерусской культуры среди огромной массы населения России, неизбежность основных принципов православия как государственной религии, не подлежащей модернизации, концепты державности и самодовлеющей государственности, имперские комплексы и т.п.). На протяжении всей российской истории Нового времени происходит постоянное столкновение перечисленных друг другу конфигураторов, при котором взаимодействие механизмов кумуляции и дивергенции приобретало особенно парадоксальные и противоречивые формы.

То обстоятельство, что историческая смена двух конфигураторов культуры противоположной направленности, в течение довольно длительного времени действовавших параллельно друг другу, осуществлялась по модели "взаимоупора" конструктивных установок, связанных между собой синхронически и диахронически, каждый раз приводило российскую цивилизацию к возникновению духовной "смуты", организационного "хаоса" и последующему ее ценностно-смысловому "опустошению". Конфронтация и противоборство механизмов кумуляции и дивергенции, не только следующих друг за другом, но и наслаивающихся один на другой, порождало мучительное балансирование цивилизации между сохранением ее внутреннего единства, целостности и их нарушением, расколом. Развитие и торжество дивергентных процессов над кумулятивными (как более сложной и совершенной организации над более примитивной и неразвитой) порождали и стимулировали формирование компенсаторного механизма *кумулятивной памяти*, лелеявшего идеалы целостности и единства в условиях нарастающей борьбы противоположностей и углубляющегося раскола, и сквозную "смысловую размытость". Так было и в период смены конфигураторов ("Смутное время" и весь "бунташный" XVII век), и при завершении цикла кумулятивно-дивергентного развития в целом (Серебряный век и последовавшая за ним и вместе с ним русская революция [Булдаков, 1997]).

Революционная смута: "Взрыв"

Плюрализм эпохи барокко был порожден соревновательностью идей и принципов двух контрастных эпох - Средневековья и Нового времени, встретившихся (точнее, столкнувшихся) в условиях кризиса средневековой культуры. Хотя позиции средневековой культуры были поколеблены уже самим допущением плюрализма и равноправия соревнующихся между собой идей и принципов, своеобразие плюрализма XVII века во многом определялось смысловой матрицей именно Средневековья. Каждый из деятелей этой переходной эпохи (начиная с XVI века) твердо верил в собственную исключительную правоту, полагая всех идейных оппонентов еретиками, отступниками и в лучшем случае искренне заблуждающимися. Кумулятивное начало здесь явно преобладало над дивергентным.

Иной плюрализм был характерен для культуры модерна. Тенденция поступательного развития дивергентных процессов, умножающихся и ветвящихся с каждым новым этапом развития дивергенции, клониалась к тому, чтобы процесс "раздвоения

единого" коснулся каждого культурного значения или смысла, каждой нормы или традиции - вплоть до "расщепления культурного ядра". В период Серебряного века многие ключевые понятия и категории культуры имели целый спектр далеко отстоящих друг от друга разноречивых значений, в том числе и полярных (например: "свобода", "творчество", "искусство", "нравственность", "религиозность", "революция", "мещанство", "интеллигенция", "народ" и т.п.). Феномен "расщепления культурного ядра", возникший в результате "сшибки" механизмов кумуляции и дивергенции во многом "нейтрализовывал" и даже обесмысливал действие и результаты конфигуратора "культурного синтеза", ставившего своей целью достижение "всеединства" различных специализированных культур (искусства, науки, философии, религии, политики, нравственности) и разных национальных культур и мировых цивилизаций. Здесь также проявилась склонность русской культуры к хронической смысловой неопределенности, особенно резко проявляющейся в переходные, кризисные периоды.

Размытость границ между жизнью и искусством, личностью и обществом, утопией и реальностью, здоровьем и болезнью, консерватизмом и радикализмом, серьезным и смеховым, высоким и низким, добром и злом, нравственным и эстетическим, прекрасным и безобразным, богоискательством и неверием, нормативным и релятивным (список подобных антиномических "пар" в культуре Серебряного века можно было бы продолжать до бесконечности) - все это было характерно практически для каждого поэта, критика и публициста, философа или политика начала XX века. Декадентством в той или иной степени были заражены едва ли не все деятели русской культуры рубежа веков; все социальные процессы и бытовые реалии, все виды деятельности оборачивались на деле культурной игрой; символ представлялся реальнее житейской повседневности и объединял в себе искусство, философию, религию, общественность, быт и политику. В эту переломную историческую эпоху народолюбие и революция, религия и спиритизм, любовь и разнузданные оргии, скандальная известность и рафинированный эстетизм, всемирная отзывчивость и примитивный шовинизм - все это и многое другое оказывалось рядом: одновременно "нераздельным и неслиянным", чреватым социокультурным взрывом, который не замедлил произойти - сначала в 1905, затем в 1917 году.

Культурная модель релятивизма, столь ярко и парадоксально заявленная В. Розановым, по-своему проявлялась в творчестве Д. Мережковского и Ф. Сологуба, В. Брюсова и К. Бальмонта, А. Блока и А. Белого, Н. Гумилева и О. Мандельштама. З. Гиппиус и А. Ахматовой, В. Хлебникова и В. Маяковского, М. Горького и Л. Андреева, А. Богданова и В. Ленина. Смешение норм и стилей, ценностей и критериев оценок, видов искусства и типов творчества, взаимоисключающих мировоззренческих принципов само по себе уже свидетельствовало о "смысловой неопределенности" культуры Серебряного века; но к этому добавлялось еще и нарочито эпатазирующее, даже скандальное в своей демонстративности *взаимонепонимание* деятелей культуры данного времени. Особенно характерны в этом отношении футуристические манифесты (вроде, например, "Пощечины общественному вкусу"), построенные на оскорбительном вызове буквально *всем*: русским классикам и их поклонникам, современникам - реалистам и символистам, носителям родного языка вообще, толпе обывателей и индивидуалистам, революционерам в жизни и в искусстве.

Хотя соловьевские идеалы всеединства, тотального культурного синтеза разделяли почти все участники культурного процесса Серебряного века, автономия и разрозненность творческих установок была абсолютной. Излюбленная людьми Серебряного века концепция *теургии* лучше всего иллюстрирует понимание культурного плюрализма модернистами: каждый художник и мыслитель не только может, но и должен быть причастным к божественному акту творения и на практике уподобляться Творцу. Творчество культуры при этом трактуется как божественно установленное и трансцендентное начало мироздания, однако творцов, реализующих это начало в культурных текстах, столько же, сколько творческих индивидуальностей, т.е., по существу, бесконечное множество.

Сама трансцендентность культуры предстает в модерне как модель культурного плюрализма, одновременно влекущего и трагичного, что глубже и ярче всего в Серебряном веке показал Розанов, заложив тем самым основы для будущего отечественного и всемирного постмодернизма. Уже в "Уединенном" Розанов соединил главную коллизию нового перехода в истории русской культуры - соединение *дивергенции* и *селекции*. Раздвоение единого и размежевание между собой расколовшихся частей целого как автономных целостностей, необратимо противостоящих друг другу, исключаящих возможность примирения или компромисса, определили все основные тенденции и Серебряного века, и последовавших за ним пореволюционной и советской эпох.

Социокультурный плюрализм эпохи посягал, таким образом, на цельность не только общества, культуры, но и личности (практически все деятели культуры Серебряного века были, по выражению Н. Бердяева, людьми "двойных мыслей"); на персональную ответственность автора за свое произведение, высказанные в нем суждения и оценки, а значит, на авторство как таковое; на идейную определенность мировоззрения большинства культурных деятелей России рубежа веков - и в политическом, и в философском, и в нравственном, и в эстетическом отношении крайне противоречивого и принципиально многозначного.

Итогом Серебряного века в России, как известно, явился социокультурный *взрыв* - революция, приведшая к образованию "двух культур" в рамках одной национальной культуры, к росту насилия и кровопролитной гражданской войне, к установлению - впервые в мире - жестокого тоталитарного режима на территории огромной многомиллионной страны, положившего конец культурному и социально-политическому плюрализму и создавшему монолитную, монистическую советскую тоталитарную культуру и "параллельную" ей, непримиримую к революции и большевизму, "зеркально" ее копирующую культуру русского зарубежья. Обе русские культуры XX века составляли "в паре" идеально "противоречивый" контрапункт смысловых структур и ценностей русской культуры.

Предпосылкой "смутных" процессов в период становления тоталитаризма (1920-е годы) и в период его разложения (конец 1980-х - 1990-е годы) явилось столкновение застывших, догматизированных, нередко искусственных (официально декретированных) смысловых структур тоталитарной культуры с органической для каждой конкретной нации или страны "культурой повседневности" (смысловых структур обыденного сознания и поведения). Наступающая тоталитарная культура могла победить "культуру повседневности" только средствами лжи, насилия, террора; обороняющаяся, идущая на либеральные уступки и компромиссы культура тоталитаризма неизбежно должна была оказаться побежденной повседневностью, глубоко укорененной в быту, привычках, массовой психологии, обрядности, национальных традициях, элементарных потребностях и интересах людей.

Постсоветская смута: "Распад"

Истоки современной "смуты", разворачивающейся в русской культуре на рубеже XX-XXI веков, восходят к первым десятилетиям советской власти, когда в истории отечественной культуры складываются принципиально новые механизмы социокультурной динамики, давшие о себе знать (различно) как на этапе становления, так и на этапе агонии и распада советской цивилизационной модели.

После кровавой и опустошительной революции, перешедшей в затяжную гражданскую войну, облик российской цивилизации принципиально изменился: на месте внутренне противоречивой, контрастной и динамичной, но тем не менее единой цивилизации возникли два цивилизационных феномена - Советская Россия и Русское Зарубежье. Им соответствовали и "две культуры", противоборствующие, взаимополемичные, конфронтирующие - советская и русско-зарубежная. При всем взаимонеприятии и игнорировании друг друга оба феномена были тесно связаны между

собой, представляя в паре конструкцию "взаимоупора", бинарную модель цивилизации. Метрополия и диаспора; цивилизация и ее "тень", "антипод"; культура и ее "Зазеркалье", сохранение традиций и нигилистическое новаторство; утверждение и отрицание, текст и контекст - так или примерно так выстраивался "взаимоупор" частей расколотой цивилизации. В этих условиях ни кумулятивный, ни дивергентный регулятивные механизмы в чистом виде не работали, оставаясь лишь культурно-историческим фоном происходящих процессов.

Выполняя миссию сохранения классического культурного наследия, Русское Зарубежье, в отличие от Советской России (очень жестко, насильственно осуществлявшей модернизацию и радикально пересматривавшей культурное наследие "царского режима"), развивалось в инокультурном и иноязычном контексте, все более глубоко и органично впитывая идеи и принципы западноевропейской цивилизации. В то же время Советский Союз, упорно противостоявший капиталистическому Западу, апеллировал к "пробуждающемуся" от колониального гнета и традиций азиатского феодализма Востоку и все более проникался идеями и принципами восточных цивилизаций и культур, господствовавшими в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, Поволжья, различных регионов Урала, Сибири, Севера, Дальнего Востока.

Евразийская бинарность, и без того остававшаяся живым системообразующим фактором российской цивилизации на протяжении всего ее исторического существования, в XX веке обрела дополнительную напряженность и смысловую конфликтность: Советский Союз и Русское Зарубежье противостояли друг другу как Восток и Запад, как Азия и Европа. В результате нарастающего взаимонеприятия и взаимонепонимания две части расколотой российской цивилизации все более приобретали вид двух разных, хотя и связанных амбивалентными тенденциями притяжения/отталкивания, цивилизаций, строящихся на различных геополитических, социальных, идеологических и даже ментальных основаниях. Любые попытки представить Советский Союз и Русское Зарубежье в качестве единой, пусть и ущербной в своей целостности, цивилизации могли осуществиться лишь в рамках евразийского дискурса, бинарного по определению, не случайно зародившегося в эмигрантской среде, тяготевшей к сохранению цивилизационного единства советской и зарубежной России.

Советские идеологи вообще не признавали за Русским Зарубежьем статуса отдельной цивилизации или ее части, не считали эмигрантскую культуру особой разновидностью русской или российской культуры. Советская цивилизация рассматривалась либо как принципиально новая, не имеющая исторических аналогов и являющаяся прообразом будущей всемирной коммунистической цивилизации, либо как принципиально новая историческая фаза развития российской цивилизации, в рамках которой формируется "новая историческая общность" - советский народ с присущей ему интернациональной советской культурой, политически и мировоззренчески унифицированной и единой.

Конфигуратор *дивергенции* был, таким образом, распространен на российскую цивилизацию в целом (и вообще на любую цивилизацию), приобретая в одних случаях характер классового или формационного антагонизма (пролетарская и буржуазная, социалистическая и капиталистическая цивилизации), в других - характер исторического отрицания и диалектического "снятия" (осколки разрушенного революцией монархического и дворянско-буржуазного прошлого и строительство на расчищенном от обломков предшествующих цивилизаций пространстве невиданной прежде цивилизационной формы - коммунизма). Аналогичным образом (т.е. как регулятивный механизм всей цивилизации) использовался и конфигурактор *кумуляции* в представлениях о "мировой революции", о единстве "пролетариев всех стран", о "союзе нерушимом" национальных республик СССР, этнокультурная специфика которых понималась лишь как вариативная форма общего "социалистического содержания"-Цивилизационная специфика Советского Союза мыслилась как кумулятивное образование, представляющее собой (в первом приближении) эталонную модель будущей

универсальной, всемирной, общечеловеческой цивилизации - коммунизма, "снимающей" историческую, этническую, социокультурную определенность разных народов и стран.

Соединение в границах одной цивилизационной модели двух противостоящих в структурно-функциональном отношении конфигураций как взаимодополнительных и параллельных смысловых структур свидетельствовало о том, что в России XX века кумуляция и дивергенция утратили значение ведущих регулятивных механизмов и системообразующих факторов культуры, противоположных и взаимоисключающих по своим целям и результатам, и стали выполнять в истории российской цивилизации роль второстепенную и подчиненную. На первый план культурно-исторического и цивилизационного развития выступили два других конфигурационных фактора - *селекция* и *конвергенция*, до того не претендовавшие на главенствующую функцию в культуре.

Смысл *селекции* как конфигурационного фактора культуры заключается в том, что с его помощью достигаются единство и цельность цивилизации за счет "отсечения", "отторжения", "изъятия" из ее состава тех "лишних" частей и элементов (ценностей, значений, норм, традиций и т.п.), которые нарушают (или потенциально могут нарушить) ее тотальность или мешают ее восприятию в качестве целого. Селекция как культурно-регулятивный механизм занимается *отбором* тех культурных компонентов, которые соответствуют данной культурной системе, и тех, которые противоречат ее целостности; первые культивируются и унифицируются; вторые - изгоняются или уничтожаются как вредные и опасные элементы с точки зрения поддержания цивилизационного единства.

Семантика конфигурационного фактора *конвергенции* в многом противоположна. Его задача - объединение и синтез различных и противоположных смыслов, в том числе и разделенных конфигурационным фактором селекции. Конвергенция как культурно-регулятивный механизм оказывается занятой делом, прямо противоположным селекции, и неслучайно охранители тоталитарного режима - от самых его истоков и до финала - более всего опасались конвергентных тенденций (как по отношению к Русскому Зарубежью, эмигрантской культуре, так и в отношении буржуазного Запада - европейского и особенно американского, либеральных и демократических ценностей, прав человека и т.д., а также по отношению к собственной "внутренней эмиграции", инакомыслящим всех видов - от политических диссидентов до художественного андеграунда).

Между тем вся история русской культуры - как в Советском Союзе, так и за рубежом - строилась на конфронтации и борьбе между селекцией и конвергенцией (в Русском Зарубежье) или между строгой, бескомпромиссной селекцией и селекцией вялой, умеренной (в советской политической и культурной истории). Так, например, течения сменовеховства или евразийства (особенно левого) в русской эмиграции носили явно конвергентный характер (по отношению к Советскому Союзу и советской культуре), особенно эти процессы усилились в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. В Советском Союзе за борьбой всех политических и культурных течений в 1920-1930-е годы стояла та же борьба между селекцией и конвергенцией (например, борьба с "правым" и "левым" уклоном в партии), усилившаяся в период "оттепели" и "перестройки". Постепенно селективные процессы в культуре становились все менее жесткими, а наступление конвергенции оказывалось все более уверенным и "победоносным".

В постсоветский период конфигурационные факторы селекции и конвергенции (как когда-то конфигурационные факторы кумуляции и дивергенции в Смутное время и в Серебряном веке) "столкнулись" как параллельные и взаимоисключающие смысловые структуры", что придало современному социокультурному и цивилизационному кризису в России особенно мучительный и драматичный характер. Судьба российской цивилизации сегодня формулируется как проблема рокового выбора между жизнью и смертью: "быть или не быть". Это объясняется тем, что противоположность и категоричность конфигурационных факторов селекции и конвергенции гораздо выше, нежели кумуляции и дивергенции,

и острота проблемы в этом случае неизбежно достигает поистине экзистенциального звучания.

В самом деле, когда совмещаются конфигураторы кумуляции и дивергенции (особенно остро в XVII веке и на рубеже XIX-XX веков), речь идет о борьбе двух тенденций - интегрирующей и дифференцирующей (или центростремительной и центробежной) - в единой, хотя и противоречивой системе (культуры, цивилизации). Это борьба, победа в которой одной из двух поляризованных сил в принципе невозможна, нереальна, потому что лежащее в ее основании противоречие являет собой источник социокультурного развития и основано на условном равновесии этих сил в обществе и культуре. Подобное совмещение перечащих смысловых структур (теорий, мнений, оценок и т.п.) вполне укладывается в классическую формулу диалектики: единство и борьба противоположностей.

Когда же совмещаются конфигураторы селекции и конвергенции, в силу вступает конфликт ультимативных установок. *Либо* единство и целостность культуры (а вместе с тем и цивилизации) достигается строжайшим отбором "приемлемых" ценностей, значений, норм и запрещением, уничтожением, исправлением тех компонентов культуры и цивилизации, которые нарушают или искажают систему (как она видится с позиций жесткого долженствования и однозначной монистической нормативности). *Либо* происходит соединение предельных противоположностей (в том числе идеологических, политических, мировоззренческих - религиозных, научных, философских, этических, эстетических и др.) в рамках единой плюралистической модели культуры, на почве абсолютной толерантности, терпимости и доверия к любым мнениям, суждениям и оценкам (а в этом случае категорически утверждается свобода от каких-либо норм и ограничений, от самой системности и упорядоченности культурных значений). Компромисс между подобными ультимативными установками невозможен ни теоретически, ни практически, тем более, что оба эти конфигураатора несводимы к предшествующей паре регулятивных механизмов и складываются на основании их нейтрализации на новом, более высоком уровне рефлексии культурных и цивилизационных противоречий.

В то же время *конвергенция* предполагает в идеале соединение несоединимых ценностей и принципов, "мирное сосуществование" ценностей - либеральных и тоталитарных, национальных и всемирных (даже космополитических), классовых и общечеловеческих, религиозных и атеистических (или внерелигиозных), элитарных и массовых, личностных и коллективных и т.п. Для осуществления столь "либерального" по своей природе регулятивного механизма, при приведении его в действие в обществе должно существовать известное согласие (а не конфронтация или брожение): должна сложиться специфическая ментальность, принципиально терпимая к плюрализму и свободе мысли; *медиативные* процессы должны превалировать над *инверсионными*, а не наоборот [Ахиезер, 1997; Кондаков, 1998; 1999]. Однако в современной России, как и в постсоветской культуре, ни одно из названных условий не действует и в ближайшее время не имеет шанса восторжествовать.

Пара конфигураторов *селекция/конвергенция*, представляющих второй цикл архитектурного строения русской культуры (и российской цивилизации), по сравнению с парой *кумуляция/дивергенция*, представляющих первый цикл конфигурирования русской культуры, отличается более сложным строением и функционированием в культуре. Если кумуляция и дивергенция по своей семантике близки, соответственно, *интеграции* и *дифференциации* культурных форм как таковых, то селекция уже не просто дифференциация культурных форм, а "*дифференциация ради интеграции*", а конвергенция - не просто интеграция, а "*интеграция дифференцированного*". Налицо двухуровневое строение новых конфигураторов, обладающих как бы своей "внутренней архитектурикой", последовательно делающих "два шага" в выполнении задания, второй из которых невозможен без первого. Соответственно, более сложные конструкции требуют и более сложных, двухуровневых операций

с ними, что осложняет возможность их взаимной нейтрализации или аннигиляции, как в случае с конфигураторами первого цикла.

Это означает, что ситуация "культурного взрыва" на рубеже XX-XXI веков не просто реальна, но и остра, как никогда ранее. Столкновение селекции и конвергенции оказывается в принципе неразрешимым и "неснимаемым" в современной России, переживающей раскол и резкое расслоение общества, особенно болезненные после монолитной целостности тоталитарного строя в СССР и поддерживаемого искусственно единства интернациональной советской культуры. На фоне напряженного противостояния прототалитарных и антитоталитарных сил в постсоветском российском обществе нарастает неполитическая ностальгия по "старым добрым советским временам" и еще более глубокая архаическая тяга к доисторической целостности страны (не только дореволюционного, но даже и допетровского времени), с ее апологией самодержавия, православия, народности, национальной однородности и культурной замкнутости.

Реальный *плюрализм* современной постсоветской культуры порожден, с одной стороны, *конвергенцией* противоположных тенденций (т.е. *синтезом противоречий*), а с другой - столкновением не совместимых между собой культур и цивилизаций, что неизбежно осложняет чаемую гармонизацию отношений взаимной *нетерпимостью* соревнующихся сил и *вседозволенностью* средств в борьбе друг с другом за собственную победу, гегемонию, даже монополию и диктатуру. В этом принципиальное смысловое отличие современного российского *постмодернизма* от западного: если западный постмодерн есть результат индивидуальных творческих исканий интеллектуалов, стремящихся пересмотреть застывшие нормы и ценности, концепции и стили в духе культурного плюрализма и свободного самоопределения личности в многомерной демократической культуре, то российский постмодерн порожден коллизиями посттоталитарного развития российско-советской культуры (столкновением официальной культуры и неофициальной, прототалитарных и антитоталитарных тенденций в культуре, идеологии и обыденного сознания, религии и атеизма, науки и псевдонаучных, спекулятивных теорий, искусства и китча), что придает ему несравненно более драматический и переломно-кризисный характер - не только по сравнению с западноевропейской социокультурной реальностью, но и с аналогами восточноевропейскими [Парамонов, 1997; Липовецкий, 1997; Нефагина, 1998; Курицын, 2000; Скоропанова, 2000; Эпштейн, 2000; Шром, 2000]. Объективность, независимость от творческой воли отдельных представителей культуры, социально-историческая, эпохальная обусловленность этого культурно-исторического процесса в посттоталитарный период развития России придает дополнительный драматизм, а подчас и трагизм российскому постмодерну.

Границы между гетерогенными, поляризованными, предельно контрастными явлениями, текстами, нормами, смыслами, ценностями, сведенными в едином семантическом пространстве, сместились, стали размытыми или перестали существовать вообще; сами ценности и смыслы оказались кардинально переосмысленными, становясь идеологически неопределенными, нередко многозначными, амбивалентными; целое культуры - морфологически аморфным и мировоззренчески зыбким. Именно такая *размытость* - ценностно-смысловая, образно-ассоциативная, идейно-эмоциональная и т.п. - служит задачам оптимального перехода от одной культурной парадигмы к другой, являясь смысловым "мостом" между двумя разными историческими эпохами - тоталитарной и демократической.

Если между этими эпохами в истории российской культуры вообще возможен переход, то он может быть осуществлен только ненормативным путем. Если же такой переход в России практически нереален, то складывающийся механизм разрушения тоталитарной парадигмы (превращение серьезного и страшного в смешное, высокого - в низкое, этического и политического - в эстетическое, научно-теоретического - в эзотерическое или мистическое, идеологического - в развлекательное или утилитарно-прагматическое и т.д.) выполняет не кодирующую, а, скорее, дезавуирую-

щую, деструктивную функцию, также входящую в состав исторической миссии посттоталитарной эпохи как ее непосредственная составляющая (смысловая неопределенность).

Цивилизационное "распутье", на которое вышла посттоталитарная Россия на рубеже XX-XXI веков, - не менее опасно и грозно, чем период "Смутного времени" на рубеже XVI — XVII веков или период русской революции (1905-1907; 1917-1922). В каждой из этих кризисных ситуаций Россия стояла перед национальной катастрофой как неотвратимой реальностью своего насущного бытия, и выход из кризиса во многом зависел от множества непредсказуемых случайностей и развивающихся спонтанно тенденций. В каждой из названных исторических ситуаций перед Россией стояла опасность ее "расчленения" (предсказанная и проанализированная И. Ильиным) по территориальному или национальному принципу. Однако в оба предшествующих кризисных периода опасность "расчленения России", скорее, исходила *извне*, от интервенции или от гражданской войны, производной от войны мировой, империалистической; в настоящее же время процесс "расчленения" цивилизации идет *изнутри*, от самой полиэтничности и поликонфессиональности России, как следствие внутренних драматичных цивилизационных процессов. А это уже не "расчленение" цивилизации, а ее "полураспад", если не начало полного распада, т.е. "само-разложение".

Точный прогноз "смутных", переходных процессов оказывается на практике весьма проблематичным и условным. В "смутные" периоды стремительно нарастают эсхатологические предчувствия и апокалиптические настроения, нагнетаются пессимизм и катастрофизм в восприятии истории, широкое распространение получает пассивное ожидание последствий и результатов "смуты". Известно, например, что и события бурного "бунташного" XVII века, и Октябрьская революция в XX веке с последующей Гражданской войной казались современникам национальной катастрофой России, ведущей к окончательной гибели цивилизации и культуры. В таком же ключе и сегодня нередко воспринимается современная постсоветская смута, сеющая раздоры и разрушения, конфликты и взаимонепонимания.

Однако каждый "смутный" период порождает и позитивные тенденции. Как правило, в такие периоды появляются великие реформаторы и удачливые авантюристы; возникают новые ценности и переоцениваются старые; одни нормы отменяются и дискредитируются, а на их месте рождаются другие. Господство больших стилей сменяется пестрой полистилистикой; стройные идеологические системы уступают место борьбе и диффузии идей, среди которых открываются совершенно неожиданные. В каждом предшествующем кризисе, благодаря соответствующим регулятивным механизмам социокультурной переходности, культура быстро и радикально трансформируется, синтезируя элементы предшествующего развития, а цивилизация находит в себе новые ресурсы для выживания и смыслового обновления.

Поэтому "смута" в истории русской культуры - не хаотическое нагромождение ее смыслов и значений, не один лишь деструктивный процесс социокультурного разложения, но продуктивный механизм обновления культурной семантики, сопровождающий развитие цивилизации в процессе ее перехода от одной исторической парадигмы к другой. И нынешняя "смута" - явный катализатор многих кардинальных культурно-исторических и цивилизационных изменений России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М., 1994.
- Кондаков И.В.* Архитектоника русской культуры // *Общественные науки и современность.* 1999. № 1.
- Кондаков И.В.* Феномен "эристики" в истории русской культуры // *Человек в контексте культуры.* Сборник научных трудов. Ставрополь, 1998. Вып. 1.
- Курицын Вяч* Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
- Липовецкий М.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург. 1997.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман Ю.М.* Механизм смуты (к типологии истории русской культуры) // *Всемирное слово.* 1995. №8.
- Нефагина Г.Л.* Русская проза второй половины 80-х - начала 90-х годов XX века. Минск. 1998.
- Панченко А.М.* Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Сборник 17.
- Парамонов Б.* Конец стиля. М., 1997.
- Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. 2 изд. М., 2000.
- Шром Н.И.* Новейшая русская литература. 1987-1999. Рига, 2000.
- Эпштейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000.

© И. Кондаков, 2002